

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВВЕДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

Несмотря на горе, которое вызвала смерть царицы Анастасии, Иван IV не собирался долго оставаться вдовцом. Впрочем, все было представлено так, будто царь лишь уступил настоятельным просьбам своих подданных, просивших его быстро вступить во второй брак. Уже 14 августа 1560 года, то есть спустя всего неделю после смерти любимой жены, митрополит Макарий, высшее духовенство и бояре предложили Грозному «отложить» скорбь по Анастасии, а, положив упование на Бога, вступить в новый брак, так как он еще молод и «тех лет не дошел, чтобы ему мошно без супружества быти». Монарх не дал ответа сразу же, а взял время на раздумье, которое продолжалось весьма недолго, — уже 16 августа было объявлено, что Иван IV решил «для митрополича прошения и земли для» вступить во второй брак.

Вполне вероятно, что просьба чинов о новом браке вызывалась стремлением вызвать изменения в ближайшем окружении царя, в котором все большую роль играли родственники покойной царицы. Новая же свадьба вела к выдвигению родни новой супруги и, возможно, оттеснению Захарьиных на второй план. Но этим расчетам не суждено было сбыться — в отличие от первой свадьбы, царь сразу же заявил о том, что будет искать невесту в «ыных землях». Митрополиту и боярам пришлось согласиться с этим решением. В Литву, Швецию и на Северный Кавказ были отправлены посольства для переговоров о сватовстве*.

* ПСРЛ. Т. 13. С. 329—330.

Чаша заздравная
XVI в.

С удалением Адашева и Сильвестра сильно изменилась вся жизнь царского двора. Курбский с негодованием пишет о многочисленных пирах, которые стали устраиваться во дворце. Не следует думать, что раньше этого не было, — пировали на Руси всегда, но сейчас это стало чуть ли ежедневным занятием, причем «упивались» до «неистовства». Не все одобряли эти «забавы», но против таких нашелся сильный аргумент — по сообщению беглого князя, «ласкатели» доносили о таких Ивану со следующими словами: такой-то и такой-то не хотят на твоём пиру быть веселыми, вроде как тебя и нас осуждают как пьяниц, а себя изображают праведниками. Наверное, они твои недоброжелатели, потому что тебя не слушаются и являются сторонниками Адашева и Сильвестра. После «упивания» до «неистовства» начались «игры» — пляски в масках. Сам Грозный не отрицал этого, но указывал, что «игры» он вынужден был устраивать для того, чтобы люди «нас, своих государей, познали, а не вас, изменников»*. Впрочем, царя можно понять — вероятно, с помощью этих «игр» и пьянства он стремился заглушить боль по своей Анастасии.

С новым браком также не все ладилось. Польский король и великий князь Литовский Сигизмунд II Август в принципе готов был обсуждать этот вопрос, но требовал огромных уступок: по мнению литовской стороны, сначала следовало решить вопрос о Новгороде

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 318; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 16.

Пир

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Великом, Пскове, Смоленске, Северских городах, на которые претендовал король, затем заключить вечный мир, а уже после этого договариваться о свадьбе, причем невеста должна сохранить католическую веру, а наследниками престола должны стать дети от нее. Такие заведомо невыполнимые для русской стороны требования сразу же перечеркивали все надежды на литовский брак. Не удалось даже договориться о продлении перемирия — литовские послы заявили, что если Россия будет продолжать военные действия в Ливонии, то ни о каком перемирии не может быть и речи.

Неудачным оказалось и шведское сватовство: в то время умер король Густав, и новому королю Эрику было не до этого — переговоры оттягивались на неопределенное время. Удача способствовала только кавказскому посольству. Черкасские князья, уже давно находившиеся под сильным влиянием Москвы, не стали выдвигать каких-то условий, а прислали в Россию дочь князя Темрюка Айдаровича княжну Кученей. В июне княжну «смотрел» Иван IV и «полюбил». 20 июля 1561 года Кученей была крещена с именем Марии, а 21 августа состоялась свадьба*.

* ПСРЛ. Т. 13. С. 331–333.

Свадьба не привела к сколько-нибудь значительным переменам в ближайшем окружении царя. В состав его со временем вошел лишь брат новой царицы князь Михаил Темрюкович Черкасский. Пока же Грозный составил новое завещание, учитывающее перемены в его семье. К сожалению, оно само до нас не дошло, сохранилась лишь крестоделовальная запись лиц, назначенных душеприказчиками. Регентами назначались самые приближенные к Ивану IV на начало 1560-х годов лица — князь Иван Федорович Мстиславский (один из самых знатных русских аристократов, родственник царя), бояре Василий Юрьев, Данила Юрьев (близкие родственники Анастасии), Иван Яковлев, Федор Умной-Кольчев (родственники Захарьиных-Юрьевых), князья Телятевский и Горенский, дьяк Васильев. Телятевский и Горенский были сравнительно молодыми людьми, но пользовались в то время полным доверием монарха. Так, Телятевский расследовал обстоятельства смерти Алексея Адашева в Юрьеве. Обращает на себя

Король Швеции Эрик XIV
Портрет XVI в.

Кетлер, последний магистр Ливонского ордена
Портрет XVI в.

внимание исключительное положение старомосковского боярства, представленного близкими и дальними родственниками покойной царицы Анастасии, а также то, что в состав регентского совета не вошли виднейшие представители аристократии — князья Шуйские, Бельские и другие. Очевидно, что уже в начале 1560-х годов княжеская аристократия потеряла доверие Грозного. Наследником объявлялся царевич Иван Иванович.

Проблемы внутри страны наложились на внешнеполитические трудности. 1561 год стал последним в многовековой истории Ливонского ордена. Рыцарство северной Эстонии и города перешли под власть шведов, а основная часть владений стала принадлежать Польско-Литовскому государству, причем магистр Кетлер выторговал у короля Курляндию в качестве своего наследственного владения как вассала Сигизмунда II Августа. На часть Эстонии претендовала также и Дания, получившая в конце концов остров Эзель и несколько городов на материке.

В таких условиях русская дипломатия считала основным противником Литву, прямое военное столкновение с которой с каждым днем неминуемо приближалось. Швецию не считали серьезным соперником

и пошли на заключение с ней длительного перемирия, отношения же с Данией всегда были исключительно дружественными, поэтому перешедшие ей части Ордена решили оставить за принцем Магнусом (братом короля), представив дело как «пожалование» Иваном IV датских правителей*.

Вскоре состоялось и открытое столкновение между Литвой и Россией в Прибалтике. Летопись отмечает, что литовцы начали военные действия до истечения срока перемирия. Войска под командованием Николая Радзивилла осадили ливонский городок Тарваст и взяли его после шестинедельной осады с помощью подкопа**. Однако царь уже подозревал своих подданных в измене, и было проведено специальное расследование обстоятельств падения города. Материалы этого следствия хранились в царском архиве.

К тому времени подозрения Ивана IV по отношению к своим боярам были вполне сформировавшимися. Так, еще в 1561 году был арестован его родственник по матери князь Василий Глинский. Какие вины ставились в упрек Глинскому, неизвестно. Сохранилась лишь поручная запись, в которой опальный обязался верно служить Грозному, не отъезжать за границу, не выдавать речей, которые он мог услышать в Думе. Впрочем, Глинский отделался сравнительно легко — за него поручилось духовенство во главе с митрополитом Макарием и бояре. В январе 1562 года опала разразилась над головой князя Ивана Дмитриевича Бельского, уличенного в попытке бежать в Литву. У Бельского была даже королевская опасная грамота. Вместе с ним бежать хотели несколько детей боярских и стрелецкий голова. Сам князь был арестован и содержался некоторое время в заключении, а его менее высокопоставленные «советчики» были биты кнутом и отправлены в тюрьму в Галич. Спустя некоторое время (в марте 1562 года) Бельский был прощен благодаря ходатайству духовенства и бояр***.

Отражением напряженных отношений Грозного со знатью явился Приговор о вотчинах от 15 января 1562 года. Этот документ ограничивал право княжат распоряжаться своим недвижимым имуществом, которое теперь переходило под контроль царя. Вотчины запрещалось продавать, менять, отдавать в приданое. При отсутствии прямых наследников земли переходили государю, а если имелось завещание

* ПСРЛ. Т. 13. С. 333–334, 342–343.

** Там же. С. 339.

*** Там же. С. 339–340; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1., М., 1813. № 172. С. 470–473; № 177. С. 484–487.

в пользу боковых родственников, то вопрос решал также сам царь: передать по завещанию или отобрать в казну*. Конечно, подобные меры устраивали далеко не всех.

Объясняя Курбскому свои действия в начале 1560-х годов, царь указывал, что он наказал виновных «милостиво» — «казнию конечною ни единому коснухомся». Однако «изменники» не успокоились и продолжали свои замыслы по возвращению практики 1550-х годов, когда царь ничего сам не решал, а все делалось по желаниям Избранной рады. Это и заставило Грозного, по его словам, перейти к жестким мерам: «сего ради повинные по своей вине таков суд прияли». И вообще, «их измены всей вселенней ведомы», но те, кто искренне отказался от «злобесных» замыслов, стал повиноваться данному Богу владыке, даже из числа прежних сторонников Сильвестра и Адашева, живут свободно и им не вспоминаются прежние грехи**.

Конечно, трудно предположить, что попавшие в опалу знатные князья, да еще и царские родственники Глинский и Бельский, были сторонниками Сильвестра и Адашева и именно поэтому были арестованы. Скорее всего, княжескую аристократию стал возмущать сам новый стиль управления, противоречивший традициям, начавшим формироваться в пятидесятые годы. Иван IV стремился сосредоточить в своих руках всю полноту власти, принимать решения самостоятельно, без «советов» с Боярской думой, а лишь с помощью своих фаворитов — Захарьиных. Возмущала членов Думы и бессудная расправа с окольным Алексеем Адашевым. Перед ними вставал вопрос — а кто же может быть следующим? Еще одной причиной раздора с окружением могла быть внешняя политика — Россия, воевавшая непрерывно с 1545 года, стремительно неслась навстречу новой большой войне с Литвой. Здравомыслящие люди не могли не понимать, что эта война будет чрезвычайно тяжелой, с неизвестным исходом. К тому же многие князья имели тесные связи с польско-литовскими правителями, в том числе и родственные. Но большая война стала неизбежной.

В марте 1562 года в Москву прибыл посланник из Литвы с фактическим объявлением войны. Основной причиной король называл Ливонию, которую в силу подписанных с орденом властями соглашений он считал своей. Русская сторона, ясное дело, всю вину за начало

* Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 36. С. 55–56.

** Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 30–31.

военных действий возложила на литовскую сторону. К Сигизмунду II Августу был высказан целый ряд претензий: отказ признать царский титул Ивана IV, отказ выдать за него свою сестру и стремление напавить крымские набеги на Россию. Тогда же на территорию Литвы были отправлены русские войска, а вскоре в поход отправился и сам царь. Вместо себя в столице он оставил наследника престола, малолетнего царевича Ивана Ивановича, которому следовало «делать» «всякие свои земские дела». Впрочем, у царевича была оставлена группа преданных бояр (Захарьины-Юрьевы, Яковлев, князь Сицкий), которые реально и должны были управлять в отсутствие Грозного. Царский поход 1562 года не привел к каким-либо значительным последствиям. Дальше Можайска Грозный не ушел. Но это помогло ликвидировать опасность с юга — очередной набег крымцев, которые рассчитывали, что русские войска находятся в Литве. Узнав, что основные силы сосредоточены в Можайске, татары сочли за благо вернуться восвояси*.

Начало войны с внешним противником не консолидировало русскую элиту, а, наоборот, усилило в ней раскол. Уже летом 1562 года в Литву бежал один из самых знатных русских князей, родственник Грозного по матери князь Дмитрий Вишневецкий, правитель Белевского удельного княжества, пожалованного ему за переход на русскую службу в пятидесятые годы. Князь Дмитрий был одним из основных участников наступления на Крым, проводившегося в конце 1550-х годов, и теперь он находился на Днепре, откуда и ушел к королю со своими людьми. 15 сентября 1562 года в опалу за «изменные дела» попали князья Воротынские — Михаил и Александр. Их удельное княжество было конфисковано (Новосиль, Одоев, Перемышль, доли в Воротынске). Князья Воротынские были одними из самых знатных лиц в России. Особо значительной фигурой из них был Михаил Воротынский, носивший высшее звание слуги. Как воевода он отличился при взятии Казани. Эти князья оказали Ивану IV большую услугу в момент династического кризиса 1553 года. Именно их старший брат приводил бояр к присяге во время царской болезни. Считать их сподвижниками Адашева и Сильвестра нет никакой возможности. Причины их опалы неизвестны, но можно предположить, что в их преданности возникли сомнения в связи с побегом князя Вишневецкого или они высказывали недовольство новым

* ПСРЛ. Т. 13. С. 340–342.

Приговором о вотчинах, который лишил их права на владения, принадлежавшие их умершему старшему брату Владимиру.

В октябре 1562 года опала была наложена на князя Дмитрия Курлятева за «его великие изменные дела». В чем они заключались — неизвестно. Но к нему Иван Грозный относился с нескрываемым раздражением, называя «единомысленником» Сильвестра и Адашева, с помощью которого «от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша». После падения Избранной рады Курлятев недолго находился на воеводстве в Смоленске. В царском архиве находились некоторые документы, которые позволяют предположить, что непосредственная причина опалы князя — попытка бежать в Литву из пограничного города. Сам князь Дмитрий с сыном был пострижен в монахи и сослан на остров Коневец на Ладожском озере. Печальная участь постигла и его жену и дочерей. Они также оказались в монастыре. Действия царя вызвали гневный протест Курбского, считающего принудительное пострижение «неслыханным беззаконием». Сам Дмитрий Курлятев предстает под его пером выдающимся человеком, умным советником, лучшим в роде*.

Вероятно, какой-то конфликт был у Ивана IV и с высшим духовенством. Правда, этот конфликт не вылился тогда в открытое противостояние — слишком большим авторитетом пользовался престарелый митрополит Макарий, что тронуть его, даже несмотря на его явную связь с ненавистным царю Сильвестром и попытку спасти Адашева, требуя очного разбирательства обвинений в его адрес, Грозный не решился. Об этом конфликте сохранились лишь косвенные свидетельства источников. Так, в одной из летописей приводится интересный рассказ о ночном видении, бывшем Макарию задолго до введения опричнины. Митрополит предсказал грядущее «нечестие и кровоизлияние и разделение земли». Молитвы об избавлении от этого не помогли, единственное, чего смог добиться Макарий, это отсрочки наступления событий. Ему удалось умолить Бога наслать эту беду на Русь только после его смерти. В том же источнике рассказывается о том, что однажды, судя по всему уже в начале 1560-х годов, Грозный попросил митрополита прислать ему для чтения душеполезную книгу. Макарий послал описание погребального обряда. Царь был

* ПСРЛ. Т. 13. С. 343–344; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 31; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 330.

в гнев, хотя стремился его открыто не демонстрировать. Он лишь заметил первоиерарху о том, что в царские покои такие книги не вносятся, на что митрополит сказал, что эта книга полезней всех и кто ее со внимание прочитает, никогда не согрешит. Очевидно, что эти описания являются отражением конфликтов с высшим духовенством, которое, конечно, не могло одобрять некоторые действия царя. Еще одним показателем напряженности между главой светской и духовной власти явился эпизод с прибытием в Москву литовских гонцов с грамотой, адресованной митрополиту и боярам. Практика участия Макария в переговорах сложилась в 1550-е годы, когда святитель неоднократно принимал участие в дипломатических сношениях с Литвой, хотя в действительности его внешнеполитическая деятельность всегда находилась под контролем Посольского приказа. Теперь же, в ноябре 1562 года, Макарий был должен заявить литовскому гонцу, что он не занимается государственными делами, а «строит вещи церковные», и отказался принять грамоту. В послании литовских панов-рад речь шла о переговорах. Но русская сторона расценила это как попытку затянуть время для отсрочки военных действий, к которым литовская сторона была еще не полностью готова*.

Разногласия с митрополитом царь тщательно скрывал, не решаясь применять репрессивные меры. Ему было невыгодно подчеркивание своих споров с митрополитом в период острого конфликта со светской знатью. Кроме того, духовенство должно было подчеркнуть богоугодный характер предстоящего похода на Литву. В то время, когда в Москве еще шли переговоры с посланцем литовских панов-рад, русская армия готовилась к походу, основной целью которого был важнейший город Полоцк. Отсюда можно было совершить поход и к столице Литвы городу Вильно, и к Риге. В ноябре 1562 года прошло совещание царя с митрополитом, братьями и боярами, на котором было принято окончательное решение об ударе по Полоцку за «многие неправды и неисправления» короля Сигизмунда II Августа. Впрочем, основной причиной похода объявлялось «горение сердца» Ивана IV «о святых иконах и о святых храмах... иже безбожная Литва, поклонение святых икон отвергше, святые иконы пощепали и многая поругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставльше и поправше и люторство восприаша... и изобразили люторей и их прелесное учение приняли...». Мероприятию

* ПСРЛ. Т. 13. С. 344–345; Т. 34. С. 190.

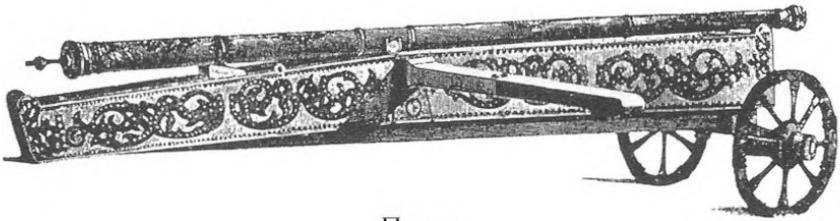
был придан характер крестового похода. Перед его началом 30 ноября Грозный посетил основные кремлевские храмы, а затем присутствовал на митрополичьем богослужении в церкви Бориса и Глеба на Арбате. С царем в походе находилась Донская икона Богородицы, которая, по преданию, была с великим князем Дмитрием в Куликовской битве. Грозный взял с собой и многие другие чудотворные иконы и кресты, среди них и крест святой княжны Ефросинии Полоцкой. Сопровождали Ивана IV епископ Коломны Варлаам и игумены Чудова и Волоколамского монастырей Левкия и Леонид.

5 декабря войско было в Можайске, а 5 января 1563 года в Великих Луках. Сюда подошли войска Владимира Андреевича, находившиеся на русской службе татарские царевичи и основные силы армии. Стало очевидно, что основная масса войск не сможет выступить одновременно, дороги неспособны пропустить такую массу войск и тяжелую осадную артиллерию. Поэтому вперед были посланы отряды для наведения переправ и подготовки дорог, а различные полки выступали из Лук к Полоцку в разные дни с 10 до 17 января. Но и это не помогло избежать заторов и «пробок» на дорогах. Сам Грозный с приближенными ездил и разбирал заторы, стремясь ускорить крайне медленное продвижение армии. Торопиться было необходимо — из полков бежал один из дворян Богдан Хлызнев-Колычев, предупредивший полоцкие власти о подходе русских войск. Но литовский воевода Довойна не поверил этому сообщению. Если бы полоцкие власти оказались более расторопными, то могли бы нанести русским большой урон в пути. Единственное же, что они предприняли, так это приготовились к осаде.

Понимая, что его планы уже известны противнику, царь послал в Полоцк парламентаря с предложением сдачи и перехода на его службу, обещая «пожаловать по всей воле их, какова жалования похотят». Литовцы казнили посланца. Наконец 31 января русская армия вышла к Полоцку, который представлял из себя сильно укрепленный пункт. Центр города защищали стены со рвом, другая стена окружала сам город. Вскоре начался непрерывный обстрел укреплений. Литовцы

Пищаль
XVI в.

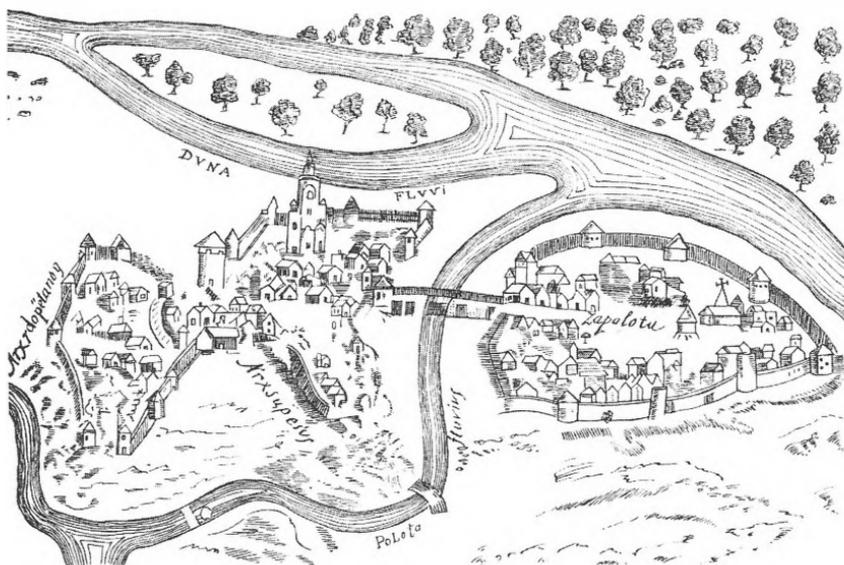

Пищаль
XVI в.

пошли на переговоры с целью протянуть время и дожидаться подхода подкреплений. Они просили недельного перемирия, но, понимая их расчеты, им предоставили время лишь до утра для сдачи крепости. 8 февраля обстрел укреплений возобновился. Подавляющее превосходство русской артиллерии привело к тому, что Довойна решил оставить внешние городские стены, а оборону держать во внутренних укреплениях. После этого жители стали выходить из Полоцка. Между тем продолжался артиллерийский обстрел укреплений. Удалось выбить ворота внутренней крепости и проломить в некоторых местах стены. По сообщению летописи, земля дрожала от множества выстрелов, ядра больших пушек весили по двадцать пудов. Вечером 14 февраля была подожжена деревянная стена, и русские стали готовиться к решительному штурму.

15 февраля 1563 года полоцкий гарнизон капитулировал. Поляки, бывшие в числе защитников Полоцка, были отпущены, а литовцы во главе с Довойной отправлены в Москву в качестве пленных. Благодаря действиям русской артиллерии город был взят с минимальными потерями: погибли шестьдесят шесть стрельцов, четверо детей боярских, казацкий голова и полтора десятка боярских людей. 18 февраля в Полоцк въехал Иван IV. С известием о победе в Москву был послан новый царский родственник Михаил Темрюкович Черкасский. Воеводами в завоеванном городе были оставлены князя Петр Иванович Шуйский и Василий и Петр Семеновичи Серебряные. 26 февраля Грозный покинул Полоцк, 6 марта он был уже в Луках, а оттуда отправился в Старицу к князю Владимиру Андреевичу и его матери княгине Ефросинии. 21 марта 1563 года царь вернулся в столицу, где его ждала еще одна радость — царица Мария родила сына Василия, умершего, правда, спустя несколько месяцев. 4 апреля в Полоцке была учреждена архиепископия*. Иван IV очень гордился взятием Полоцка,

* ПСРА. Т. 13. С. 345–366.

Вид Полоцка
Рисунок XVI в.

которое произошло уже после отставки Адашева и Сильвестра, и считал почти бескровную победу знаком благоволения со стороны Бога.

Но успешное завершение похода не привело к внутреннему успокоению. Весной 1563 года возникло «стародубское изменное дело». Обстоятельства его таковы: один пленный литвин при допросе показал, что воеводы Стародуба готовятся изменить и перейти на сторону Литвы. Одним из воевод оказался Иван Шишкин — родственник Алексея Адашева. Власти города были арестованы, проведено следствие, к которому были привлечены родственники, друзья и знакомые обвиняемых. Тогда и понадобились заранее составленные списки адашевской родни и даже соседей. Казнены были брат Алексея окольный и воевода Данила Адашев с сыном, сам Шишкин с женой и детьми, братья жены Адашева Сатины и другие лица. Особо близким к Курбскому человеком был Петр Туров, тесть Даниила Адашева. По рассказу беглого князя, примерно за месяц до казни Турову было видение, в котором предсказывалась мученическая смерть*.

Весной 1563 года гроза разразилась и над одним из самых близких к Ивану IV воевод Андреем Михайловичем Курбским. Его конкретная

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 329; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 157–158.

вина неизвестна, может быть, неудовольствие Грозного вызвало его заступничество за обвиненных в измене родственников Алексея Адашева или какие-нибудь служебные провинности. Сам царь в своем послании говорит о том, что продолжал доверять воеводе, иначе бы не послал его в пограничный город. Но здесь же вспоминает и неудачную для князя Андрея стычку под Невелем, когда пятнадцать тысяч русских под командованием Курбского не смогли одержать победу над четырьмя тысячами литовцев. Сам Курбский был в этом столкновении ранен. Вскоре его отправили воеводой в город Дерпт (Юрьев), фактически наместником русской Ливонии. В глазах князя это было незаслуженное наказание, Грозный же считал, что это «наказание малое... то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники»*.

Лето 1563 года ознаменовалось и еще одним громким делом. В многочисленных «неправдах» по отношению к Ивану IV были обвинены его двоюродный брат Владимир Андреевич и тетка Ефросиния. Буквально недавно Владимир Андреевич участвовал в победоносном походе на Полоцк, затем сам царь навестил его в Старице — центре удела, пировал с ним и его матерью. Известные обстоятельства дела таковы: из тюрьмы удельному дьяку Савлуку Иванову удалось отправить Грозному некую «память», в которой «писал многие государские дела, что княгиня Ефросиния и сын ее князь Володимер многие неправды ко царю и великому князю чинят». Царь приказал брату доставить дьяка к нему. По его показаниям был произведен розыск и «те их неисправления сыскана». Остается только догадываться, были ли это действительные проступки или Владимир Андреевич был оклеветан. Царь к тому времени уже стал ко всем относиться с подозрением и мог поверить любой клевете. С другой стороны, недоверие к двоюродному брату имело глубокие корни и шло еще с событий 1553 года. Так или иначе, Грозный не стал на этот раз принимать решение самостоятельно, а вынес дело на рассмотрение Освященного собора во главе с митрополитом Макарием.

По ходатайству духовенства Иван IV «гнев им свой отдал», однако княгине Ефросинии пришлось постричься, впрочем дело изображалось так, что это она сделала по собственному желанию. Обряд был совершен 5 августа в Москве. Получившая имя Евдокии, новая старица была отправлена, по собственному желанию, в монастырь на

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 41.

Белоозеро. Здесь за ней был установлен строгий надзор, хотя Грозный и разрешил тетке устроить у себя прислугу и «всякие обиходы». Старицкий удел был возвращен князю Владимиру, но были заменены его бояре, дьяки и приближенные дети боярские. В знак окончательного примирения осенью царь опять ездил в Старицу и пировал у Владимира Андреевича*.

После взятия Полоцка активных боевых действий в оставшиеся месяцы 1563 года не происходило. С Литвой было заключено перемирие. Очевидно, Грозный рассчитывал, что напуганный король Сигизмунд II Август пойдет на заключение мира по воле царя. Вера в собственную силу ярко проявилась в переговорах со Швецией. Король Эрик просил Грозного вести непосредственные сношения с Москвой, а не с новгородскими наместниками. Ответ царя был полон издевки. На «безлепотное и неудобственное» писание короля Иван IV писал «многие бранные и подсмеятельные слова на укоризну его безумию». Желание Эрика напрямую вести переговоры с собой Грозный назвал «отстоящим от меры, якоже небо от земли»**.

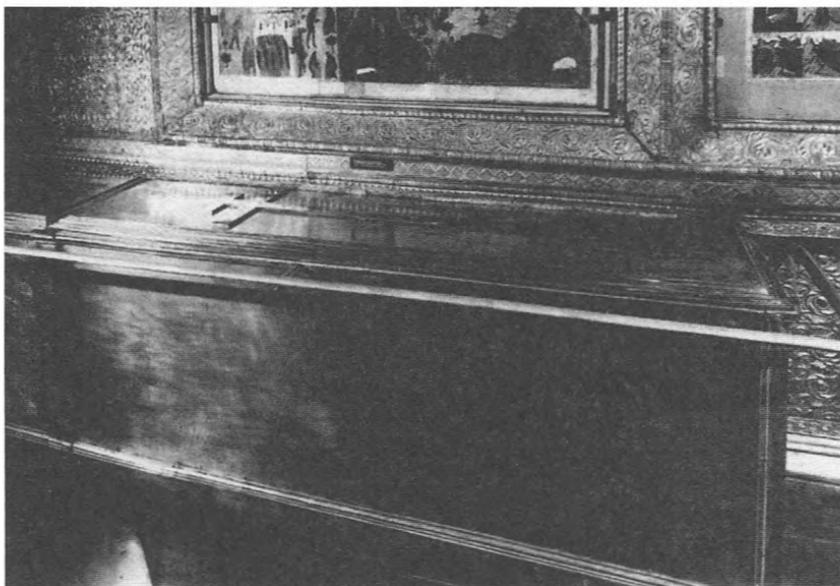
24 ноября 1563 года умер родной брат царя князь Юрий Васильевич. Спустя несколько месяцев в монастырь удалась его вдова княгиня Ульяна. 31 декабря скончался митрополит Макарий, в течение более чем двадцати лет возглавлявший русское духовенство. Это был один из немногих деятелей, долгие годы находившийся в приближении у царя Ивана, но умерший своей смертью, несмотря на разногласия с монархом, которые, вероятно, имели место в последние годы. Перед смертью тяжелобольной митрополит, которому к тому времени было около восьмидесяти лет, хотел уйти в свой монастырь, в котором принял постриг, но царь не допустил этого. Вероятно, Грозный опасался, что уход с митрополичьего престола столь уважаемого пастыря, как Макарий, может быть истолкован как осуждение им царской политики***.

С другой стороны, смерть митрополита развязывала Ивану IV руки для борьбы с «изменой». Теперь можно было не опасаться ходатайств за опальных, которыми часто докучал престарелый митрополит. В опалу попали Шереметевы — Иван и Никита Васильевичи. Обвинения в их адрес неизвестны. Но интересно следующее: прежние опальные

* ПСРЛ. Т. 13. С. 368, 370.

** Там же. С. 369.

*** Там же. С. 372, 374.

Рака с мощами митрополита Макария в Успенском соборе

принадлежали к числу титулованной знати, были князьями, Шереметевы же были выходцами из старомосковского боярства, причем дальними родственниками Захарьиных-Юрьевых. Это говорит о том, что к концу 1563 — началу 1564 годов все большее влияние на царскую политику начинают оказывать другие лица. Среди них обычно называют боярина Алексея Даниловича Басманова, происходившего из старинного рода Плещеевых. Басманов был выдающимся воеводой, отличился уже при взятии Казани в 1552 году, а затем в неудачной для России битве с крымскими татарами под Тулой в 1555 году. В начале Ливонской войны войска под командованием Басманова взяли Нарву. После этого воевода почти постоянно находится в окружении царя. Вместе с ним быструю карьеру сделал и его сын Федор. Курбский ненавидел Басмановых, считая их одними из основных виновников террора, разгоревшегося в России. Вероятно, именно старшего Басманова имел в виду Курбский, когда писал царю о «христианском погубителе», зачатом от блуда, напущенном дьяволом на православных, который «днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили»*. Рост влияния Алексея Басманова заметен и в том, что он одерживал победы в местнических делах с заведомо

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 9.

более знатными лицами. Одно из таких дел было возбуждено против Ивана Шереметева, который вскоре попал в застенки.

По рассказу Курбского, Иван Шереметев оказался в темнице с полом в остриях, с окованными руками, ногами и шеей, вдобавок поясница боярина была окована неким железным обручем, к которому было привешено десять пудов железа. Беглый князь пишет о том, что Грозный лично допрашивал опального, пытаясь среди прочего и выяснить, где находятся огромные богатства Шереметевых. Но сам Иван Шереметев остался в живых, через несколько месяцев его выпустили из заключения по ходатайству духовенства и бояр, а царь приказал убить его брата Никиту, заслуженного воеводу*.

Новый 1564 год начался с поражения русских войск на территории современной Белоруссии. Согласно замыслу, две армии должны были выдвинуться: одна из Полоцка во главе с Петром Шуйским, другая из Вязьмы под командованием князей Петра и Василия Серебряных. Они должны были встретиться у Орши и идти воевать в район Минска. Однако 26 января полоцкая армия Шуйского была встречена литовскими и польскими войсками под командованием Николая Радзивилла. Летопись объясняет поражение неожиданностью нападения и тем, что царские воеводы «шли не по государскому наказу, оплошались... и доспехи свои... везли в санях». Когда появился противник, русские не успели даже построиться для битвы. В результате был убит командующий армией боярин князь Шуйский. Источник рассказывает, что воевода был сбит с коня и пытался укрыться в деревне, но местные «мужики» его ограбили и утопили. Погибли и еще некоторые знатные дворяне, другие попали в плен. Потери в живой силе были не очень значительны — дворян и детей боярских около ста пятидесяти человек. Остальные смогли добраться до Полоцка. Правда, в руки к литовцам попал огромный обоз**.

Это поражение имело самые серьезные последствия в Москве. Известия о нем стали поступать в столицу в самом конце января и были, вероятно, сильно преувеличены. Грозный был в ярости. Именно тогда он приказал казнить без суда двух бояр, которых, видимо, считал виновными в измене, — князей Михаила Репнина и Юрия Кашина. Собственно отсутствие судебного разбирательства

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 344–346.

** ПСРЛ. Т. 13. С. 377; Т. 34. С. 190.

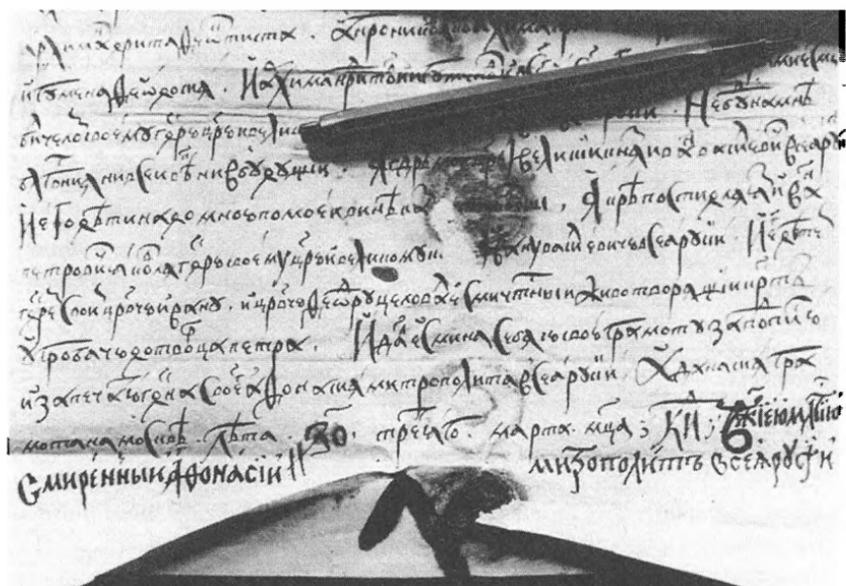

Пир

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

свидетельствует о том, что никаких даже самых ненадежных доказательств вины этих бояр у царя не было. Следует обратить внимание и на то, что казни были совершены неожиданно, жертвы не ожидали смерти. Представляется, что это было сделано специально, с целью не допустить того, чтобы обвиняемые могли подготовиться к смерти, получить отпущение грехов. Это заранее обрекало их души на мучения после смерти. С другой стороны, возможно, решение о казни царь принял неожиданно, под влиянием минутной вспышки гнева.

Современник красочно описал эти события. По его словам, Михаил Репнин, отличившийся в недавнем походе на Полоцк (он командовал артиллерией, решившей исход дела), был приглашен на царский пир. Когда гости и сам Грозный достаточно выпили, начались пляски с масками. Увидев это, престарелый боярин стал плакать и говорить Ивану IV о том, что православному царю не подобает так вести себя, но монарх предложил самому Репнину надеть маску. Боярин сорвал и растоптал ее и был прогнан с царских глаз. Через несколько дней на церковной службе, по приказу царя, князь был зарезан. В тот же день

Автограф митрополита Афанасия

был убит и другой боярин — родственник Репнина князь Юрий Кашин*. Вероятно, князья уже некоторое время вызывали недовольство царя, а полученные известия о поражении лишь ускорили их гибель.

Другая проблема, которая волновала Ивана в начале 1564 года, — это поставление нового митрополита. Дело в том, что новый святитель должен был быть первым, поставленным непосредственно по его воле (все предыдущие, в том числе и Макарий, были поставлены в период боярского правления). Кроме того, в условиях конфликта с окружением митрополит должен был пользоваться безусловным доверием царя. Необходимо было соблюсти традиционную форму совместного решения монарха и Освященного собора. К началу февраля выбор был сделан. К этому времени в столице собрались иерархи. Перед избранием был принят соборный Приговор о белом клобуке, согласно которому московский митрополит теперь мог, так же как и новгородский архиепископ, носить белый клобук (а не черный) и запечатывать свои грамоты красным воском. Принятие подобного Приговора заранее подымало авторитет нового первоиерарха Русской церкви, и новый первосвятитель оказывался в долгу у царя.

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 328—330.

24 февраля «царь и великий князь Иван Васильевич... и сын его царевич Иван с своими богомолцы с архиепископы и епископы и со всем освященным собором избрал... в митрополиты... старца Афанасия, прежебывшего Благовещенского протопопа и духовника царя и великого князя». Торжественная церемония поставления нового митрополита состоялась 5 марта в присутствии царя, царевичей и князя Владимира Андреевича Старицкого. Афанасий и Иван IV обменялись речами*.

Новый митрополит Афанасий более десяти лет был царским духовником, участвовал в походе на Казань 1552 года, был свидетелем всех важнейших событий середины XVI века. В 1562 году он постригся в Чудовом монастыре. Таким образом, до возведения в сан митрополита он был монахом всего два года, что делало его не очень авторитетной фигурой среди других святителей. Следовательно, Грозный рассчитывал, что не пользующийся поддержкой среди духовенства Афанасий будет послушным исполнителем его воли. С другой стороны, новый митрополит был самым близким к царю церковным деятелем. Все эти соображения и привели чудовского инока на митрополичий престол.

Между тем обстановка в стране накалялась с каждым днем. В конце апреля 1564 года в Литву бежал известный боярин и воевода князь Андрей Михайлович Курбский, находившийся на воеводстве в Юрьеве. С ним бежало двенадцать человек, но жену и новорожденного ребенка князь Андрей оставил. В Москву был прислан его холоп Васька Шибанов, который на следствии сказал «про государя своего князя Ондreja изменные дела». Вместе с Шибановым в столице оказалось и адресованное Грозному послание Курбского, положившее начало знаменитой переписке. Курбский стремился оправдать свою измену разгоревшимся в России «пожаром лютой», казнями без суда и следствия по малейшему подозрению. В своем ответном послании Иван IV доказывает многочисленные «измены» своих бояр, которые они совершали еще со времен его детства, а также вспоминает времена Адашева и Сильвестра, когда он — царь — был «почтен» лишь «честью председания», а все делалось по указаниям «попа — невежи» и «собаки Алексея, вашего начальника». Монарх отстаивает право на полную, безграничную власть, считая в то же время, что никаких незаслуженных гонений в России нет, а есть лишь наказание виновных.

* ПСРА. Т. 13. С. 378—381.

Побег от данного Богом владыки царь считает не только политическим, но и религиозным преступлением, бунтом против Церкви и установленного Господом порядка вещей. В этой связи Иван IV указывает на то, что своим побегом Курбский погубил не только свою собственную душу, но души своих предков, которые давали присягу предкам Грозного о верной службе их потомков. В пример беглецу ставится его холоп Васька Шибанов, который, по словам царя, даже перед смертью не отрекся от своего господина — Курбского*.

Измена боярина еще больше убедила Грозного в том, что среди его окружения имеются предатели. Мы не знаем, протестовал ли кто-нибудь открыто против репрессий в начале 1564 года, но летом произошло открытое выступление. Обстоятельства этого дела изложены иностранцами. По их словам, конфликт вспыхнул после бессудного убийства князя Дмитрия Федоровича Овчины-Оболенского. Однажды во время пира царь предложил Овчине выпить огромный кубок меда за здоровье государя. Это оказалось невозможным, тогда Грозный слегка упрекнул князя за недоброжелательство, но милостиво позволил пойти в царские погреба и выбрать там напиток по своему вкусу. Как только Овчина оказался там, заранее посланные царские псари задушили князя. Видимо, понимая, что такая расправа вызовет недовольство, Иван IV на следующий день отправил в дом Овчины приглашение явиться во дворец, делая вид, что ничего не знает о судьбе несчастного.

В действительности причины убийства князя заключались в следующем: в ссоре с одним из новых любимцев царя Федором Басмановым князь Овчина-Оболенский имел неосторожность его упрекнуть «нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном». Басманов пожаловался царю, а тот приказал убить князя. После этого, «порясенные жестокостью этого поступка, некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздержаться от столь жестокого пролития крови своих подданных без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов; пусть он побоится кары Бога... Несколько пораженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом перед верховным священнослужителем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и шесть месяцев оставался

* ПСРА. Т. 13. С. 383; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 7–52.

в спокойствии. Между тем среди этого нового образа жизни он помышлял, как устроить опричнину»*. Оставив в стороне вопрос о том, действительно ли у Грозного были противоестественные связи с Федором Басмановым или, что более вероятно, это выдумка иностранцев, стремившихся всячески очернить царя, заметим следующее: митрополит Афанасий, духовенство и бояре не желали терпеть больше бессудных расправ по одному подозрению в измене или по личным причинам.

Однако, как вскоре выяснилось, измена свила гнездо в ближайшем окружении монарха. Царский кравчий князь Петр Горенский, который был одним из членов регентского совета по завещанию Грозного, оказался предателем. Какой-то конфликт с Горенским у царя был: в дипломатических документах сохранились известия, что князь стал дела делать «не по государскому приказу». Царь решил его «помирить» и отправил на службу в полки на западной границе. Отсюда Горенский и попытался бежать в Литву, но был схвачен на границе и доставлен в столицу. Факт измены был налицо, и после суда его повесили, но вместе с ним казни подверглись и его двоюродные братья**. Очевидно, что даже в самом близком окружении царя произошел раскол. Все больше теряют влияние Захарьины-Юрьевы. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся опалы их родни Шереметевых. К тому же осенью 1564 года умирает Данила Романович Юрьев, родной брат покойной Анастасии. Наибольшее влияние получают Басмановы, князь Афанасий Вяземский и некоторые другие лица.

Вскоре Басмановым представился случай еще раз доказать свою преданность Грозному. В нарушение только что заключенного мира, на рязанские земли в октябре напали крымские татары во главе с самим ханом Девлет-Гиреем. Нападение было вызвано литовскими властями, убедившими хана в том, что русские войска находятся в походе против короля. Крымцы разорили места в районе Пронска и Рязани и окружили город. Русских сил поблизости не было, надеясь на заключенный мир, царь распустил служилых людей по домам. Но случайно в районе вторжения в своем поместье оказались Алексей Данилович Басманов и его сын Федор. Со своими людьми они укрепились в Рязани и смогли приготовить город к обороне. Летопись указывает, что

* Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 17–18; *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 97.

** *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 204–205.

Выезд на охоту

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

служилых людей в Рязани не было, только посадские люди и жители окрестных сел, успевшие скрыться от татар. Положение усугублялось и тем, что городские укрепления находились в плохом состоянии, «иные и стены палися». Быстро поправив укрепления, Басманов приготовился к обороне города и даже совершал вылазки. Ночной штурм, предпринятый татарами, не привел их к успеху, а 5 октября хан ушел в степи*.

Одновременно продолжались военные действия на Западе. Литовские отряды подошли к Полоцку, но штурмовать его не решились. Особо отмечается, что в литовском войске находился и Курбский, принявший, таким образом, самое непосредственное участие в войне со своей страной. Русские войска, в свою очередь, в ноябре 1564 года взяли литовскую крепость Озериче. Грозный же в это время «тешился» в селе Черкизово под Москвой, занимался медвежьей охотой «не по один день», обдумывая, вероятно, свои последующие действия**.

* ПСРЛ. Т. 13. С. 387–389.

** Там же. С. 390–391.

Итак, к концу 1564 года ситуация в стране была такова: непрерывные войны шли уже двадцать лет. Причем теперь противниками России выступали сильнейшие государства Восточной Европы — Литва (с Польшей) и Крымское ханство. Воевать приходилось на два фронта. Одновременно существовал острый конфликт царя с боярами. Истоки этого конфликта крылись в событиях 1550-х годов. Сейчас же он принял острую форму. Царь был уверен в том, что его окружают предатели, не желающие подчиняться установленной Богом его власти. Сложившиеся у него взгляды на свое место в стране столкнулись с другими взглядами и с практикой, установившейся в пятидесятые годы. Оказалось, царь не может просто удалить или уничтожить лиц, вызвавших неудовольствие, так как вся русская элита была связана множеством семейных, родственных, служебных связей — «все эти князья, великие бояре-правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи»*. В таких условиях тронуть одного — означало тронуть многих, что вело лишь к обострению ситуации внутри правящей верхушки. Протест против репрессий, нарушавших традиции, оказался для царя сигналом о том, что править по-старому, традиционным способом невозможно, невозможно и оставаться в старом окружении, которое пропитано, с точки зрения Грозного, изменой.

Но существовала ли «измена» в действительности или это плод больного воображения первого русского царя? Источники позволяют сделать вывод о том, что изменники действительно были. Изменили, бежав или попытавшись это сделать, Семен Ростовский, Бельский, Курбский, Вишневецкий, Горенский и другие. Причины измены могли быть разные — они могли просто опасаться за свою жизнь, но это не меняет сути — они были предателями. Но под подозрение сразу же попадали их родственники, друзья, сослуживцы, знакомые. В самом деле: если изменили одни, то почему не могут изменить другие? Что же не устраивало аристократов, которых, как уже было сказано, трудно заподозрить в особой любви к Сильвестру и Адашеву? Их не устраивали порядки единоличного управления, какие стремился ввести царь, порядки, которые, как им казалось, нарушают традиционные нормы. Кроме того, перед глазами был пример совершенно другой системы управления — Польско-Литовское государство, где все большее влияние на управление оказывала аристократия — магнаты.

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 42.

Самостоятельно король не мог принять сколько-нибудь значительного решения. Почему же это невозможно в России? Но такие порядки не могли устраивать самого монарха — Ивана IV, который стремился свои представления о власти претворить в жизнь. Эти попытки и вызвали острый конфликт по принципиальному для вовлеченных в него сторон вопросу. Стороны просто перестали понимать друг друга. Причем конфликт невозможно было прекратить обычными средствами. Постепенно царь стал считать любые советы или замечания, не совпадающие с его личным мнением, намеренной «изменой», тем более многие бояре, то есть круг его советников, или уже изменили, или подозревались в намерении это сделать. Как писала одна из летописей: «по грехом Руския вся земля, восташа мятеж велик и ненависть во всех людех, и межусобная брань и беда велика, и государя на гнев подвигли, и за великую измену государь царь учиниша опричнину»*.

3 декабря 1564 года царь с семьей выехал из Москвы. С собой взял «святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные, и поставцы... и платие и денги и всю свою казну повеле взяти с собою». Грозного сопровождали ближние бояре, дворяне и приказные с женами и детьми, а обычные служилые люди были вооружены, как будто готовились к военному походу. Маршрут царского поезда был такой: сначала село Коломенское, где пришлось провести две недели из-за распутицы, затем Сергиев монастырь и, наконец, Александрова слобода. Необычным был не только сам выезд Грозного, но и то, что никто из оставшихся в столице не знал, куда он направляется. Сам по себе выезд царя не был неожиданностью для окружения: ведь требовалось время, чтобы собрать «святость» и казну. Иностранцы пишут даже, что Иван IV собирался четырнадцать дней и перед отъездом простился с духовенством и боярами**.

Митрополит Афанасий, бояре, приказные, духовенство были в «недоумении и унынии». Месяц длилось ожидание. Наконец 3 января 1565 года из Слободы в Москву прибыл царский посланец Константин Поливанов с двумя посланиями. Одно адресовалось митрополиту, а второе — всем посадским людям столицы. Содержание их было одинаковым. Заявлялось о том, что Иван IV «положил гнев» на своих богомольцев — духовенство (за исключением митрополита),

* ПСРЛ. Т 5. Вып. 1. М., 2003. С. 113.

** Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 31.

а на служилых людей — бояр, дворецкого, казначеев, конюшего, окольничих, дьяков, детей боярских и на всех приказных — была наложена опала. Причины ее также указывались: «убытки» людям и казне после смерти Василия III в период детства царя, разграбление государственных земель боярами и их родственниками, угнетение простых жителей, нежелание служить — защищать страну от врагов — литовцев, крымцев и немцев. Когда же государь собирался наказать провинившихся, то за них начинали заступаться — «покрывать» — духовенство вместе с боярами и другими чинами. Видя все это, Иван IV «от великие жалости сердца, не хотя многих их изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, Бог наставит». В грамоте же, зачитанной посадским людям, специально указывалось, чтобы «они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

Таким образом, Грозный противопоставил «элиту» простым людям, изображая себя одновременно защитником народа. Это был точно рассчитанный ход. Получившие эти новости все, в том числе и черные люди, собрались на дворе у митрополита и потребовали любыми способами добиться возвращения царя на престол. Причем было заявлено, что он может править как «годно ему... а хто быдет государские лиходеи которые изменные дела делали, и в тех ведает Бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля». Посадские вообще заявили, что могут и сами перебить изменников.

Предъявленные царем претензии производят странное впечатление: он обвиняет окружение в проступках, которые были совершены уже много лет назад, за которые в конце 1540-х годов все уже получили прощение. Вероятно, Грозный имел в виду другое: после смерти Василия III, в период боярского правления, знать почувствовала свою безнаказанность и до сих пор так действует, а все попытки наказания вызывают протест привыкшего к безнаказанности царского окружения. Обращает на себя внимание и то, что обвинения чрезвычайно расплывчаты. Это свидетельствует о том, что был конфликт идей, взглядов на управление, а не только реальные претензии.

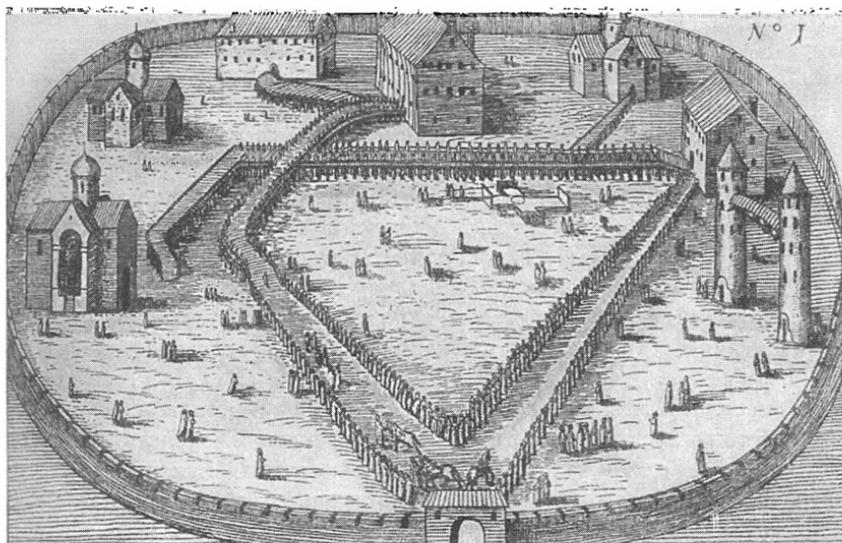
Оставшиеся в столице оказались в безвыходном положении: в создавшихся условиях можно было только соглашаться на все требования Ивана IV и уговаривать его вернуться на престол, в противном случае грозила смута, которая могла смести все и всех. Сам митрополит ехать к царю не решился, видя полный паралич управления, так как «все приказные люди приказы государские отставиша и град

отставиша никим же брегом», а отправил от себя делегацию в составе царских любимцев архиепископа Пимена Новгородского и архимандрита Левкии Чудовского. Делегации было предписано соглашаться на все требования Грозного и любым способом добиться его возвращения. Вслед за официальным посольством в Слободу устремились остальные члены Освященного собора, бояре, служилые люди, купцы и многие посадские.

5 января делегация оказалась в Слободе. Сначала духовенство просило о том, чтобы царь простил их, а затем всех бояр и служилых людей. Иван IV смилиостивился и ради челобитья своих богомольцев согласился вернуться на престол, но с некоторыми условиями. Они заключались в следующем: наказание изменников и «непослушных» по собственной воле, вплоть до смертной казни с конфискацией имущества. Часть государства выделялась как бы в личную собственность Грозного, отдельную от остальной территории страны. Эта часть получила название опричнина. В нее вошли некоторые земли в центре и на западе страны (Можайск, Вязьма, Козельск, Белев, Суздаль, Шуя, Галич, Старая Руса и другие) и северные районы (Вологда, Устюг, Вага, Двина и другие). Причем предусматривалась возможность увеличения опричнины. Средства с этих земель и городов должны были идти на содержание самого царя, его семьи и приближенных, которых предстояло набрать. В опричнине учредить особый двор со своими боярами, окольными, казначеем, дьяками, другими чинами. Особыми должны были быть и стрельцы. Должно было появиться и свое войско из 1000 специально подобранных служилых людей, которых следовало наделить землями в опричных уездах, выселив при этом в земщину тех землевладельцев, которые не войдут в число опричников. Впоследствии опричная армия значительно увеличилась и составляла около шести тысяч человек.

Разделу на земскую и опричную часть подлежала и Москва. В опричной части должны были жить только лица, взятые в опричину, все остальные подлежали выселению в земскую часть. В земской части России управлять должны были по-прежнему бояре во главе с князьями Иваном Дмитриевичем Бельским и Иваном Федоровичем Мстиславским. О военных или «земских великих» делах следовало сообщать Ивану IV, а он уже вместе с боярами «управу велит чинити». За свой «подъем» Грозный также решил взять из земщины сто тысяч рублей*.

* ПСРА. Т. 13. С. 391–395.

Александровская слобода
Гравюра из книги Якоба Ульфельда XVI в.

Таким образом, в январе 1565 года в стране был установлен опричный режим. Царь получил возможность править по собственному усмотрению. Конечно, Грозный не собирался в действительности отречься от престола, но опасность такого развития событий все-таки была. Впрочем, противопоставив простых горожан знати, Иван IV свел ее к минимуму, хотя ожидание, по сообщению иностранцев, сильно повлияло на его внешность: от переживаний у него выпали волосы.

Объявляя себя защитником простых людей от притеснений «сильных», царь, вероятно, предпринял и какие-то меры по наведению порядка в судах. Один из иностранцев пишет, что «великий князь хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было остаться в стране ни роду ни племени. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов»*. Однако в действительности все произошло абсолютно не так: оказывая полное доверие одной части населения (опричным), Грозный, сам не желая того, поставил другую часть (земских) в неравноправное положение, что привело к многочисленным злоупотреблениям, красочно описанным иностранцами.

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 69.

Прием послов в Александровской слободе
Гравюра из книги Якоба Ульфельда. XVI в.

Вероятно, замысел по установлению опричнины созрел у Ивана IV давно. В детали плана были посвящены лишь наиболее близкие ему придворные. Среди них летопись называет «злых людей» Василия Михайловича Юрьева и Алексея Басманова, которые якобы и посоветовали ввести опричнину. Источники упоминают вторую жену Грозного Марию, предложившему мужу устроить личный охранный корпус*. Однако едва ли царь нуждался в подобных советах.

Центром опричнины стала Александровская слобода, в которой царь проводил много времени и где был с течением времени создан своеобразный монастырь во главе с игуменом — самим Грозным. Второй по значению пост в этой «обители» — келаря — занимал князь Афанасий Вяземский, а пономарем был Григорий Лукьянович Бельский, более известный как Малюта Скуратов. Близкое окружение Ивана IV — примерно триста особо доверенных опричников — носили так же, как и сам монарх, черную одежду, похожую на монашескую. Утром вставали к молитвам и шли в церковь, исключения не было ни для кого. Служба продолжалась несколько часов, затем

* ПСРА. Т. 34. С. 190; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 43.

Пир в Александровской слободе
Гравюра из книги Якоба Ульфельда. XVI в.

следовала трапеза, во время которой царь, как игумен, читал всем душеспасительные книги. Остатки пищи раздавались нищим. Проводились также и ночные службы.

Внешний вид опричников отличался от обычной одежды служилых людей. Черная одежда выделяла их из остальных. К седлам были привязаны метлы и собачьи головы, что должно было символизировать то, что царские приближенные, как собаки, вынюхивают измену и выгрызают ее, выметая метлами*.

В уездах, территории которых перешли в опричнину, проводились смотры служилых людей, на которых специальная комиссия во главе с Алексеем Басмановым отбирала лиц, достойных, с ее точки зрения, войти в состав опричного корпуса. При этом учитывалось происхождение служилого человека, его родственные, служебные, дружественные связи. Принятые в состав опричнины должны были целовать крест на том, что не будут поддерживать никаких контактов с теми, кто остался в земщине, даже с родственниками. Не вошедшие в состав «избранных» выселялись из опричных уездов и должны были получить

* Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 27; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 43–44; ПСРЛ. Т. 34. С. 190.

возмещение в тех районах страны, которые оставались в земщине. Их же земли раздавались опричникам, причем нормы обеспечения земель опричников были более высокими, чем у обычных служилых людей. На практике это привело к тому, что многие служилые, высленные из своих гнезд, не смогли получить адекватного земельного обеспечения, что в перспективе вело к уменьшению их служебной годности. С другой стороны, многие опричники, получившие земли, стремились как можно быстрее разбогатеть, выжимали из новых поместий все, что можно, и тем самым «пустошили» их.

Во многом в результате предпринятой в это время земельной перетряски в центральных районах страны резко уменьшилось количество черных и дворцовых земель, перешедших в руки служилых людей. Другим следствием земельной политики в годы опричнины стала катастрофа княжеско-боярского вотчинного землевладения. Согласно последним исследованиям, множество старинных аристократических семей лишились своих родовых владений и в итоге получили новые, в других районах страны. Это имело серьезные следствия — знать лишилась связей с местными служилыми людьми и постепенно приобрела характер служилой аристократии, всецело зависимой от верховной власти. Большое количество лиц было выселено на восточные окраины России, в недавно присоединенные районы бывшего Казанского ханства. Здесь оказалось множество ярославских, ростовских, стародубских, оболенских князей, представители старых боярских фамилий и простые дети боярские. Их владения в центральных районах страны были отобраны и розданы лицам, зачисленным в опричнину*. Подобные «переборы» земель проводились не только при введении опричнины в 1565 году, но продолжались до начала восьмидесятых годов с переходом в опричнину или «двор» новых территорий.

Другим важным следствием установленного в России опричного режима явился расцвет самых разных злоупотреблений, которые позволяли себе опричники по отношению к земским. Вероятно, царь не ожидал таких результатов, но, поставив одну часть общества над другой, он невольно дал «зеленый свет» своим любимцам. В записках иностранцев приводятся примеры таких действий: вымогательства денег опричниками от земских, ложные обвинения, шантаж и открытые

* Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 149–217; Скрынников Р. Г. Опричный террор. СПб., 1992. С. 238–265.

грабежи. Рассказывают, что, слепо доверяя опричникам, Иван IV отправил в суды специальный приказ — «судите праведно, наши бы виноваты не были бы». Как пишет Штаден: «Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе наказы; говорили, будто бы великий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, — убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя. Тут начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно! Кто не хотел убивать, те приходили ночью туда, где можно было предполагать деньги, хватали людей и мучили их долго и жестоко, пока не получали всей их наличности и всего, что приходилось им по вкусу. Из-за денег земских оговаривали все: их слуги, работники и служанки, и простолюдин из опричнины — посадский или крестьянин. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги, служанки опричных князей и дворян! В силу указа все считалось правильным». Таким образом, все декларации о праведном суде без «дач и приносов» оказались пустым звуком. Зато затем Грозный приказал подобрать все жалобы земских на опричников и использовал их для расправы с прежними любимцами. Но до этого были еще долгие годы*.

Основной же целью опричнины при ее введении провозглашалась борьба с «изменой». И действительно, ее установление сопровождалось казнями в Москве. Уже в первой половине февраля на эшафот взошли боярин князь Александр Борисович Горбатый и его сын князь Петр, окольничий Петр Головин, князя Иван Кашин и Дмитрий Шевырев. Несколько бояр были по приказу царя отправлены в монастыри. Все это объяснялось «великими изменными делами». Наиболее значительной фигурой из казненных был Александр Горбатый, активный участник взятия Казани и первый русский наместник в завоеванном крае. Об этих казнях рассказывает Курбский. По его словам, князь Александр был человеком глубокого ума, искусным полководцем, знатоком священных книг. Страшная казнь ожидала Дмитрия Шевырева. Его посадили на кол. Будучи живым в течение дня, он распевал молитвы, как будто не чувствовал страшных мучений. От пыток погиб князь Петр Щенятев, которого жарили на железной сковороде и втыкали иглы под ногти**.

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 44, 54–55.

** ПСРЛ. Т. 13. С. 395–396; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 330–334.

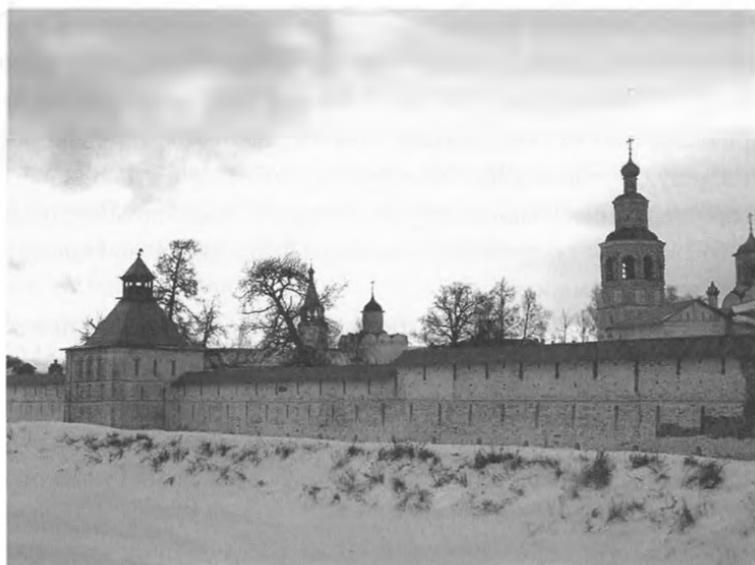
Затем казни подозреваемых в измене стали настолько привычным и обычным явлением, что перестали фиксироваться в официальной летописи. О некоторых из казненных известно лишь из свидетельств Курбского, находившихся в России иностранцев и специального Синодика, составленного по приказу царя в последние годы его жизни. Синодик был реконструирован Р. Г. Скрынниковым и является важнейшим источником по истории террора второй половины правления Ивана IV. Всего в нем записаны имена нескольких тысяч лиц, казненных по приказу Грозного*. Зачастую казни проходили неожиданно, без предупреждения, без очного суда. Приговоры принимались лично царем по совету с ближайшими опричными сподвижниками. Часто вместе с обвиняемыми казнили членов их семей и прислугу, затем очередь доходила до родственников.

Вероятно, против многих из казненных у царя не было никаких доказательств, кроме доносов. По свидетельству источников, Грозный охотно слушал доносчиков и клеветников, не заботясь о том, правдивы или нет возводимые обвинения. Казнить могли за малейшее подозрение, за внешний вид, за выражение лица: «Скажет ли кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеется или поморщится, станет веселым или печальным, сейчас же возникает обвинение, что ты заодно с его врагами или замышляешь против него что-либо преступное»**.

Однако первая вспышка опричного террора продолжалась сравнительно недолго. Уже в начале 1566 года казни прекращаются. Прощение получают многие опальные, самой значительной фигурой из которых является князь Михаил Воротынский. За него так же, как и за некоторых других, ходатайствовало духовенство во главе с митрополитом Афанасием и поручилась большая группа бояр и дворян. Обращает на себя внимание то, что при введении опричнины духовенство как раз и обвинялось в заступничестве за «изменников», теперь же, весной 1566 года, оно снова просило за них. Причем в этих просьбах участвовали лица, безусловная преданность которых царю не подлежит сомнению. Очевидно, что прощение опальных в действительности было царской инициативой. Весной же было принято решение о прощении большей части ссыльных, год назад переселенных в Поволжье. Теперь они получили возможность вернуться в центральные районы страны.

* Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 529–545.

** Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 19.

Вологда. Спасо-Прилуцкий монастырь, основан в 1371 г.
Фотография XX в.

Довольно мягко Иван IV поступил и со своим основным династическим соперником князем Владимиром Андреевичем Старицким. При введении опричнины к нему не применялись какие-либо санкции, а в 1566 году царь провел с ним обмен владениями. Взамен его старинного удела — Старицы, Алексина и Вереи — двоюродному брату были променены Дмитров, Боровск, Звенигород и Стародуб-Ряполовский. Все было обставлено как добровольное соглашение сторон, даже с выгодой для Старицкого (Дмитров обычно доставался в удел второму сыну великого князя), однако в действительности целью обмена было лишить Владимира Андреевича поддержки его вассалов, привыкших видеть в нем своего государя*.

Сам Иван IV мало времени находил в Москве, предпочитая проводить время в Александровой слободе или в объездах по монастырям. Во время одной из поездок он приказал укрепить Вологду — построить в ней каменные стены, вероятно рассчитывая сделать ее одной из своих резиденций. А весной 1566 года он приказал начать строительство своего нового двора в Москве, за пределами Кремля, в опричной части столицы. Сохранилось единственное описание этого двора, принадлежащее Штадену. По его словам, опричный двор

* ПСРЛ. Т. 13. С. 400.

находился на запад от Кремля и представлял собой четырехугольную площадь, обнесенную каменной и кирпичной стеной. Ворота выходили на восток, север и юг. На них были резные разрисованные львы, с зеркалами вместо глаз, один из львов с раскрытой пастью смотрел на земщину, другой во двор. Между львами находился двуглавый орел с распростертыми крыльями, грудью в сторону земщины. Внутри двора были три высокие постройки, и над каждой находился двуглавый орел, обращенный к земщине.

Здесь же находились хозяйственные постройки, здания приказов, церковь и хоромы царя. Двор был посыпан белым песком. Никто не мог, кроме самого царя, находиться на опричном дворе верхом. Все лошади должны были находиться за стенами. Постройки все были из елового леса, многие из них украшены резьбой. Покой Грозного оберегали пятьсот стрелков*.

Строительство опричного двора привело к следствию, которое едва ли предвидел царь: 19 мая 1566 года митрополит Афанасий оставил престол и удалился в место своего пострижения — Чудов монастырь. Летопись указывает, что Афанасий ушел из-за «немощи велей», но точно известно, что спустя долгое время он был еще достаточно здоров для проведения ответственных иконописных работ. Уход митрополита имел другие причины, а не состояние здоровья. Связывать этот демарш с протестом Афанасия против опричного террора нет оснований — уже говорилось о том, что весной 1566 года репрессии практически прекратились. Скорее всего, уход митрополита вызывался как раз началом строительства опричного двора — новой царской резиденции — вне исторического центра Русского государства — Московского Кремля. Митрополит мог расценить решение царя о строительстве дворца за городом как нежелание государя с ним общаться. Резиденция же митрополита оставалась в Кремле. Но в сознании людей того времени существовало представление о том, что царь и предстоятель Церкви должны находиться рядом. Так, например, во время установления патриаршества в России константинопольскому патриарху Иеремии предложили в качестве резиденции Владимир, заранее зная, что он откажется от подобного варианта. И действительно, Иеремия заявил, что первосвяtitель может жить только при государе: «занеже патриархи бывают при государе всегда; а то что за патриаршество, что жить не при государе, тому статца никак невозможно».

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 66–69; ПСРЛ. Т. 13. С. 401.

Очевидно, что при подобных представлениях начало строительства новой царской резиденции было воспринято Афанасием очень болезненно. Он ушел с престола в знак протеста против того, что Грозный собирался покинуть Кремль, поскольку в этом случае нарушался личный контакт первосвященника с царем. Для Ивана IV переезд в новую резиденцию был его личным, домашним делом, которое ни в коей мере не способно нарушить нормальные, освященные стариной отношения царя и первосвященника.

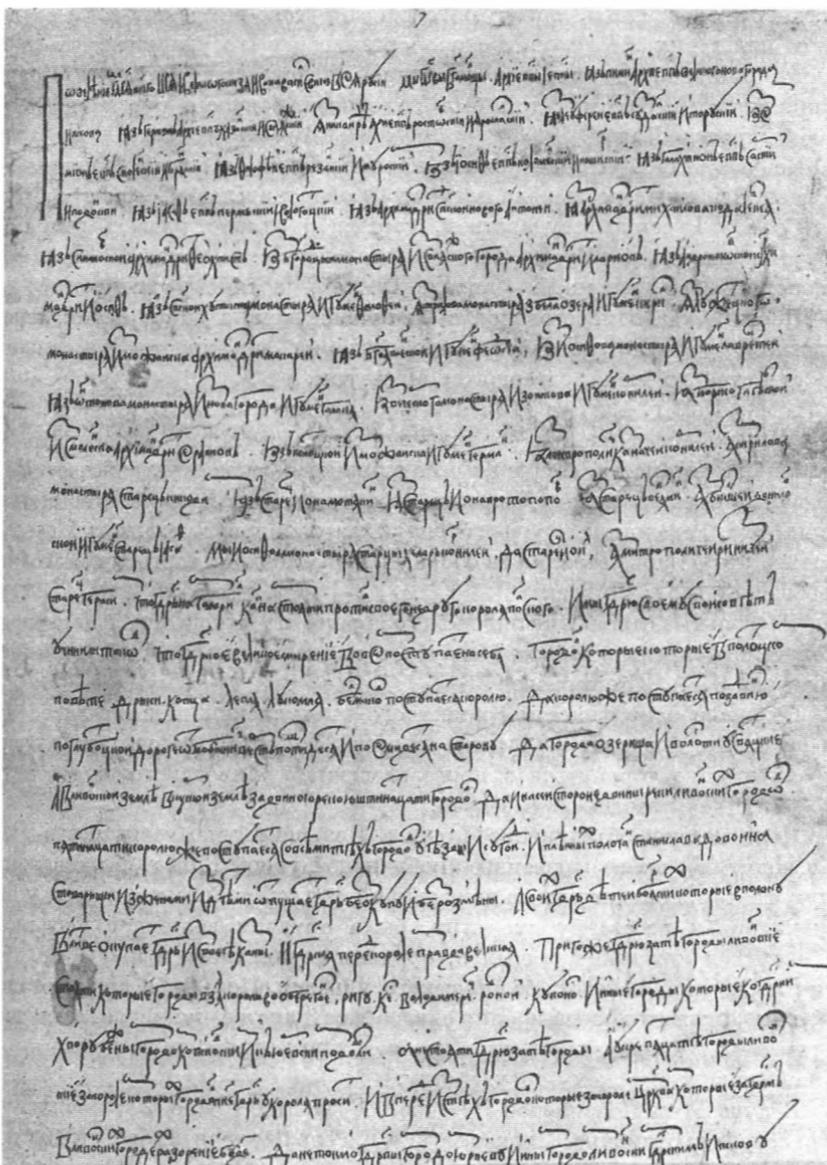
В момент отставки Афанасия Грозного в столице не было. Вернулся он в Москву лишь 28 мая. Следовало определиться с кандидатурой нового митрополита. По сообщению А. М. Курбского, Иван IV пригласил на пост предстоятеля архиепископа Казани Германа Полева. Несмотря на его неоднократные отказы, Полев был возведен на митрополичий двор и провел там несколько дней. Затем Герман, как «глаголют», стал в личных беседах напоминать царю о Страшном суде. Грозный передал содержание наставлений архиепископа своим опричным советникам, и те убедили царя отказаться от этой кандидатуры. Еще через два дня несчастный иерарх был найден мертвым на своем дворе. Как пишет беглый князь, «овы глаголют удушена его тайне за повелением его (царя. — В. Ш.), овы же ядом смертоносным уморена»*.

Сочинение Курбского является единственным источником, в котором упоминается о предложении Герману занять митрополичий престол. Бывший боярин писал по слухам, находясь за границей, и точных проверенных данных у него быть не могло. Очевидно, что архиепископ не был убит по приказу царя в 1566 году, так как его имя еще неоднократно упоминается в источниках. Скорее всего, сведения Курбского о том, что Казанский архиепископ несколько дней занимал митрополичьи палаты, не соответствуют реальному положению вещей.

Кроме определения кандидатуры нового митрополита, перед царем стояла еще одна важная задача — следовало принять решение о продолжении Ливонской войны или ее окончании. Сколько-нибудь активных боевых действий уже давно не велось — дело ограничивалось походами русских и литовских войск на пограничные владения друг друга. Для России ситуация усугублялась внутренними конфликтами, усталостью от непрекращающихся войн и начавшейся эпидемией чумы. Положение Литвы также было не многим лучше — истощены

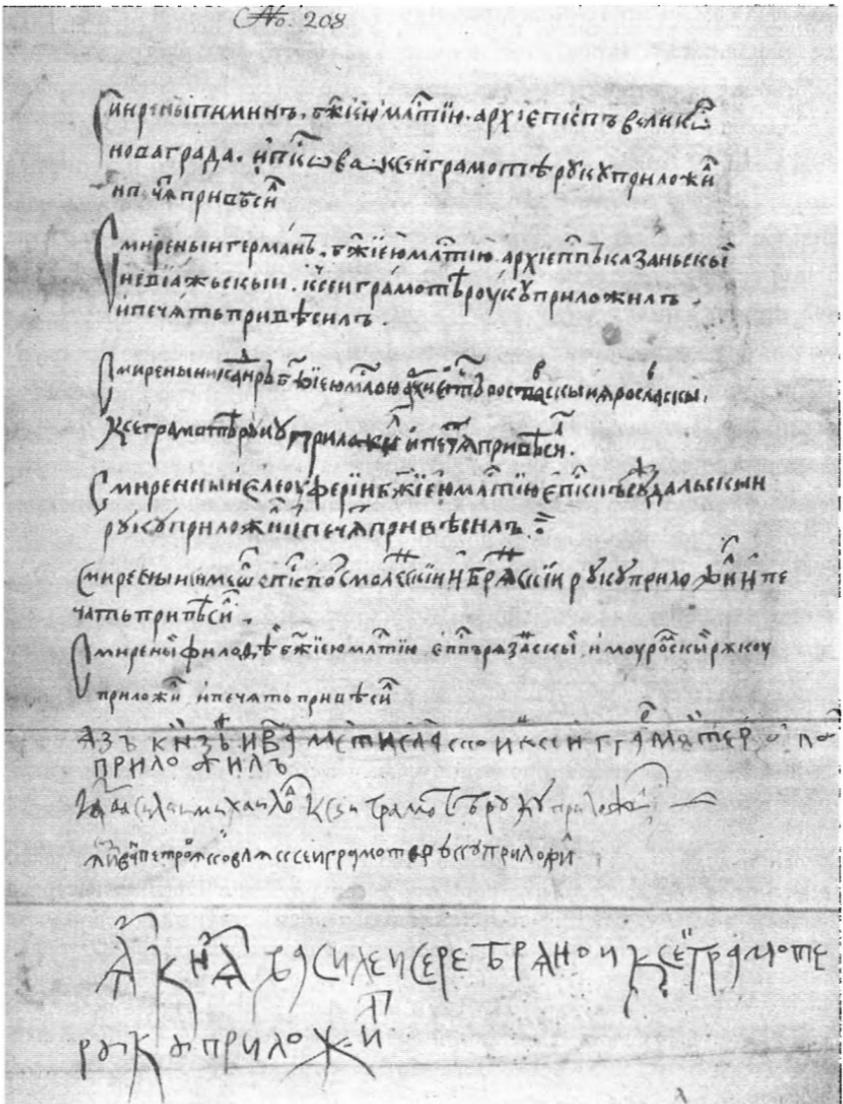
* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 364–366.

финансы, трудно было собрать боеспособное войско. В повестке дня стоял вопрос об объединении с Польшей в одно государство. Однако магнаты Литвы не спешили заключать новую унию. Шли столкновения со Швецией из-за прибалтийских земель. В таких условиях

в столицу прибыло представительное литовское посольство. Вряд ли можно было рассчитывать на подписание мирного договора, но заключение перемирия было вполне реальным.

В начале июня 1566 года стороны начали переговоры в Москве. Вскоре выяснилось, что заключить прочный мир или длительное перемирие нет возможности из-за двух проблем: разграничения

Лист с подписями участников Земского собора

в Прибалтике (Россия хотела получить Ригу, Литва не собиралась уступать и предлагала сохранить существующее положение — каждый владеет тем, что контролирует на момент переговоров) и окрестностей Полоцка. Фактический срыв переговоров автоматически вел к продолжению тяжелой для двух сторон войны. В таких условиях русское правительство решило проконсультироваться с подданными и срочно созвало Земский собор, начавший работу 28 июня. Этот Собор был самым многочисленным из тех, которые проводились в период правления Грозного, даже несмотря на то, что в его работе участвовали лишь представители земщины.

Члены Собора были разбиты на группы: духовенство (Освященный собор), Боярская дума, дети боярские, приказные и торговые люди. Всего в работе участвовало чуть меньше четырехсот человек. Вопрос стоял один: соглашаться ли на предложенные литовской стороной условия длительного перемирия или продолжать войну? Решения принимались по куриям — каждая группа отдельно обсуждала вопрос и принимала решение, представленное правительству. Все группы участников совещания высказались за продолжение войны в случае отказа Литвы принять русские требования. 2 июля Земский собор закончил свою работу. 22 июля литовское посольство покинуло Москву. Впрочем, Иван IV решил не прерывать переговоры полностью, а спустя некоторое время отправил Сигизмунду II Августу свое посольство во главе с Федором Ивановичем Умным-Кольчевым*. Однако и эти переговоры не привели к успеху. Война продолжалась.

* ПСРЛ. Т. 13. С. 402—403; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 192. С. 555—556.